

Б Е Р А
Калачкава

Как
удержать
от
любви

Вера Александровна Колочкова
Как убежать от любви
Серия «Секреты женского счастья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43265411

Как убежать от любви: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-104571-5

Аннотация

Зое было девятнадцать лет, когда ее мама привела в дом мужчину и сказала: он будет жить с нами. Вскоре у мамы диагностировали рак, и она умерла. Переживая сильное горе, Зоя с ужасом понимает, что влюблена в отца, а в нее саму влюблен друг детства Ромка. Знакомство с отцом, который хочет принять участие в жизни дочери, еще больше запутывает ситуацию, и Зое теперь предстоит разобраться во всех этих сложных взаимоотношениях...

Вера Колочкова

Как убежать от любви

© Колочкова В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Сентябрь стоял сухой, солнечный и холодный. Глянешь в окно с утра и зажмуришься – красота... Осенняя, праздничная... Небо сияет лазурью, золотом горит листва. И кажется, градусник за окном врет, показывая низкую температуру. Но выйдешь на улицу и вздрогнешь – мама дорогая, холодно как! Хотя тут же и смиряешься с этой острой звонкой прохладой, потому что так правильно, наверное... Потому что в холоде умирать легче. Холод бодрит, холод не утомляет. И больше сил остается, чтобы лихо сплясать тот самый прощальный осенний танец на ковре из желтых листьев.

Да, так умирать легче. В отчаянном всплеске веселых ярких красок, в стремительном танце...

Зойка глядела в окно, щурилась на солнце. Странно, что именно эта мысль пришла ей сейчас в голову. Глупая по своей аналогии мысль. Потому что – разве можно проводить какие-то параллели... И аналогии... Или это просто инстинкт самосохранения так работает? Чтобы в нужной форме дер-

жалась. И не пугала маму отчаянием. Потому что мама... Потому что...

Да, Зойкина мама тоже умирала. Как осень. Весело и отчаянно. Иногда Зойке казалось, что мама даже выглядеть стала моложе. Кожа на лице натянулась, тело избавилось от лишних килограммов, и обозначились вдруг тонкая талия и длинные стройные ноги... А еще мама все время весело улыбалась, иногда чересчур весело. И выплескивалась через этот «чересчур» вся правда о том, как тяжело ей дается улыбка. И в глазах промелькивала тоскливая паника, и наплевала эта паника на мамину веселую улыбку, потому что знала, что она – настоящая, а улыбка – нет. Потому что умирать все равно страшно. Хоть с улыбкой, хоть в панике, хоть в солнечном свете, хоть под проливным дождем. Какая разница, какой у смерти антураж...

Но если маме так хочется – пусть. Это она для них старается. Для нее, для Зойки, и для Саши своего. Для дочери, для мужа. Чтобы им не было так страшно жить на одной территории со смертью.

А что им, Зойке и Саше, оставалось? Они тоже старались улыбаться маме в ответ... И скалились все втроем, как будто делали бесконечное селфи...

Нет, в самом деле, а что делать прикажете? Как иначе? Не впадать же в слезную истерику при маме, правда? Это когда наедине с собой и со своим горем остаешься – это пожалуйста, трясись от рыданий, сжимай кулаки, грызи подушку,

волком вой, захлебывайся отчаянием... А при маме – нет. Нельзя, и точка. Если ей хочется умирать с улыбкой, будь добра, доченька дорогая, улыбайся в ответ. Вон и Саша, мамин любимый муж, тоже улыбается. Хотя лучше бы он этого не делал, потому что улыбка получается совсем жалкая. Да и у нее, у Зойки, она лучше, что ли? Они же с Сашей не артисты, чтобы уметь играть веселье в подобных предлагаемых обстоятельствах...

А «предлагаемые обстоятельства» свалились на них, как снег на голову. Когда они строили планы на лето, когда были беззаботны и счастливы. Хотя поначалу все не показалось таким страшным... Просто мама упала в обморок. В офисе фирмы, где работала. Сидела за рабочим столом, вглядываясь в экран компьютера, выполняла какое-то срочное задание шефа – и вдруг откинулась назад на крутящемся кресле, и оно начало крутиться вместе с мамой будто само по себе... Сначала никто из сотрудников не понял, что произошло. Решили, что мама устала и таким образом отключилась на полминутки, чтобы провернуться в кресле парочку оборотов. А потом поняли – что-то не так... Начали разводить суету – кто-то по имени ее звал – Таня, Таня! – кто-то за плечи тряс, кто-то по щекам принялся похлопывать – все без толку. Наконец догадались «Скорую» вызвать...

Благо «Скорая» приехала очень быстро, и медики так же быстро привели маму в сознание. Как выяснилось, у нее давление упало до самого нижнего предела. Вкололи лекарство,

хотели с собой забрать, но мама воспротивилась. Она вообще панически боялась больниц, даже в поликлинику, когда гриппом болела, старалась не ходить. Было у нее такое предубеждение против медицины и медиков, да... Как она объясняла – потому что в детстве много болела и «наелась» этой больничной спецификой по самое не хочу. Помнится, как бабушка сокрушалась маминым своеволием, но даже бабушка не могла заставить маму пойти на прием в поликлинику. А характер у бабушки был – о-го-го...

В тот день ее просто отпустили с работы, чтобы дома полежала, в себя пришла. А потом обморок повторился – через пару дней. Потом еще раз... Тогда уж Саша не выдержал, чуть не силой уволок ее в поликлинику, чтобы обследование назначили. Наверное, мама ни за что не позволила бы себя «уволочь», но Саша очень сердился. И стыдил ее – как можно так плохо к себе относиться! Неужели трудно пойти и провести обследование, банальные анализы сдать?

Его и провели, это обследование... А потом еще одно, более доскональное, уже в онкологическом центре, где мама лежала почти месяц. И объявили им с Сашей неутешительный результат... Мол, ничего уже сделать нельзя, поздно уже. Надо было раньше обращаться за помощью. Да только кто ж знал-то про это «раньше»? Если б знать, где упадешь...

В общем, первый день лета мама встретила у себя дома. Того самого долгожданного лета, последнего в ее жизни. Сначала плакала, потом плакать перестала и будто замкну-

лась в себе, сосредоточилась на своих внутренних переживаниях (или как там они называются, эти ощущения, когда знаешь, что скоро умрешь?), а потом вдруг преобразилась – открылась им без остатка. Будто хотела свою душу с ними оставить, отдать до конца всю любовь...

Между прочим, это ведь то еще испытание, если вдуматься, – забирать в себя умирающую любовь. Очень осторожно забирать, потому что нельзя потерять ни капли. Потому что знаешь, что они последние, эти капли... И нельзя их обесценить собственным отчаянием. И надо вывернуть себя наизнанку, чтобы твоя ответная любовь была легкой искрящейся радостью, а не черным горем прощания. Да, то еще испытание... Кто хоть немного в такой «любви» жил, тот знает.

А они с Сашей жили. Наверное, у них даже неплохо это получалось. Потому что научились понимать друг друга с полуслова, с одного короткого взгляда. Потому что бывали дни, когда надо было моментально решать, кому остаться с мамой. Одну они ее не оставляли. Ни на минуту. Хотя и не обговаривали это заранее... Все будто самотеком шло, в коротких утренних диалогах...

– Заяц, я ненадолго выскочу, ага? Сможешь первую пару в институте пропустить?

– Да без вопросов, Саш...

– Ага... Тогда я еще в супермаркет заскочу. А потом ты такси возьмешь и успеешь на вторую пару... Жаль, у тебя прав нет! Как-то мы упустили этот момент, давно надо было

заняться...

– Так это мама нам не позволила, Саш... Ты что, забыл? Я ж хотела на водительские курсы пойти, а мама вдруг испугалась – мол, рано еще... Будто я маленькая...

– Да, Заяц, я помню. Мама всегда за тебя так боится, что часто перестраховывается. Я тогда с ней спорить не стал. А зря... Сейчас бы тебе очень даже водительские правагодились...

– Ничего, я и на такси в институт успею. Не страшно.

– Хорошо... А когда вернешься из института, я еще ненадолго выскочу...

– Так я могу и последнюю пару пропустить, если надо!

– Нет, не надо. Таня беспокоится, когда ты много пропускаешь. Ты же знаешь...

– Хорошо, я приду после последней пары. А тебя с работы не уволят, Саш? Ты ж там появляешься эпизодически! То приехал, то снова уехал...

– Нет, не уволят. А если уволят – другую работу найду. Да это не важно, Заяц... Ничего, проживем как-нибудь. В случае чего я машину продам...

– Да ну...

– Тсс... Тихо, мама идет... Убери горечь с лица, Заяц! И окно закрой, холодом несет...

Мама вошла на кухню с улыбкой, произнесла сломанным болью голосом:

– Доброе утро, мои любимые...

– Доброе утро, мамочка!

– Доброе утро, Танюш...

Они отвечали ей одновременно, будто немного контролируя друг друга – как звучат голоса. Надо, чтобы звучали хорошо. Так звучали, будто ничего ужасного в их жизни не происходит. Обыкновенное утро. Обыкновенный завтрак. Кофе, гренки, овсянка. Бутерброды с колбасой и сыром. Утро счастливых людей, любящих и уважающих друг друга. Любимая жена, любимый муж. Взрослая дочка.

Кому дочка, кому – падчерица...

Но это уже не важно. Да и вообще... Само слово «падчерица» ужасно противное. Стоит за ним что-то злое, как в детской сказке. Но ведь не было в Зойкиной жизни ничего злого в последние два года, когда в их с мамой жизни появился Саша... Любимый мамин Саша. А ее, Зойкин, стало быть, отчим...

Да, последние два года мама была счастлива. Два года любви для сорокапятилетней женщины – не так уж и мало, согласитесь. Настоящей любви, взаимной. Два года – как последний подарок...

* * *

Как позже выяснилось, мама и Саша давно встречались. Были тайными любовниками. Такими тайными, что даже она, родная дочь, ничего не знала! Нет, замечала, конечно,

в маме кое-какие изменения, не без этого... И глаза стали блестеть по-другому, и в голосе появилось несвойственное маме капризное кокетство, и прическу она сменила, и одеваться стала не так, как раньше... Да что там, полностью сменился весь ее женский рисунок, но никак Зойка это не связывала с появлением в жизни мамы тайного любовника, хоть убей! Да еще и женатого! Хотя... Разве можно нынче отыскать приличного мужчину в районе пятидесяти – и не женатого? Пока однажды он не появился на пороге их квартиры:

– Познакомься, Зайчик, это Саша... Он будет у нас жить. Вернее, мы вместе с ним будем жить... Ты не возражаешь, надеюсь?

Зойка так опешила, что даже и не подумала рассердиться на маму за этого Зайчика. Ведь договаривались же, что Зайчик – только в домашних стенах, а в присутствии чужих – ни-ни, никаких Зайчиков! Хотя – что ж теперь... Выходит, этот Саша тоже ей не чужой... Но мама могла и предупредить заранее, подготовить ее как-то к подобным переменам! А не вот так в лоб объявить – это Саша, он будет у нас жить...

На первый взгляд он ей не понравился. Неказистый совсем мужичонка. Ростом не вышел, особой статью тоже. Еще и нахальным каким-то показался... Глядит на нее и улыбается. Так улыбается, будто ждет, что она от радости начнет гопака плясать. Ага, щас! Не дождетесь от меня гопака! Свалился, как снег на голову, как тот Васисуалий Лоханкин из «Золотого тельца», еще и улыбается... «Я к вам пришел на-

веки поселиться, надеюсь я найти у вас приют...»

Повернулась, ушла к себе в комнату. Но дверь до конца не закрыла, слышала, как мама весело успокаивает на кухне своего «Васисуалия»:

– Не обращай внимания, Саш... Это у нее просто первая реакция такая. Погоди, вы еще друзьями станете не разлей вода... Что я, своего Зайчика не знаю? Она ж взрослая уже девица, скоро сама разберется, что к чему...

Ага, взрослая! Тогда ей только-только девятнадцать исполнилось! Второй курс юридического института! Можно сказать, вчерашняя школьница! И вообще... Если мама считает, что она взрослая, почему и впрямь раньше про своего «Васисуалия» не рассказала? Не поделилась женским секретом? За маленькую и несмышленую в этих делах сочла? А тут сразу и нате вам – взрослая... Обидно, однако!

Вскоре она услышала, как хлопнула входная дверь. Вышла из комнаты, осторожно заглянула на кухню. Мама стояла у плиты, жарила котлеты, весело напевая что-то себе под нос. Обернулась к ней, улыбнулась вдруг так лучезарно, будто и не заметила следов обиды на лице дочери.

– Зайчик, ты что на гарнир будешь, макароны или гречу? Или картошки сварить?

– Да мне все равно, мам... И вообще, что ты у меня спрашиваешь? Ты теперь у этого спрашивай... Как его...

Хотела сказать – у Васисуалия Лоханкина, но остановилась в последний момент. Слишком уж улыбка была у мамы

счастливая. Не захотелось ее своей обидой портить.

– Теперь у этого Саши спрашивай, что ему на ужин готовить... Кстати, а где он? Куда сбежал?

– Он не сбежал, Зайчик. Он в магазин пошел. Говорит, вина надо купить, отметить это событие. Ну, и к чаю тортик какой-нибудь...

– Ах, он еще и алкоголик к тому же! Понятно!

– А что, хорошее вино по хорошему случаю пьют одни алкоголики? Например, красное сухое, французское?

– Ну, так уж и французское... Я думаю, для французского у него кишка тонка.

– Представь себе, с кишкой у него все в порядке... – Мама хохотнула коротко, сама удивившись несуразности ответа, и уже более серьезно добавила: – Зачем ты обижаешь хорошего человека, Зайчик? Ты ж его не знаешь пока... И уже так настроила себя на отрицание...

– А узнаю – и что? – с вызовом спросила она, чувствуя, что и впрямь перебарщивает с наездом. – Когда узнаю, прямо-таки полюблю, что ли?

– Да... Когда узнаешь – полюбишь...

– Мам! Ты рассуждаешь, как влюбленная и оттого впадающая в неадекват женщина! Тебе кажется, что всем должен нравиться предмет твоей любви! Не узнаю тебя, мам!

– Да я и сама себя не узнаю, Зайчик... Последние двадцать лет уж точно со мной такого не было...

– А двадцать лет назад было?

– Да. Было. Я очень любила твоего отца. Но это уже другая история, и я не хочу сейчас об этом... Так что все-таки на гарнир сотворить, Зайчик? Давай гречку?

– Давай... И все-таки, мам... Откуда он взялся, этот Саша? Давно ты его знаешь?

– Давно... Очень давно. Двадцать лет уже знаю.

– погоди, погоди... Не хочешь ли ты сказать... Что этот Саша... Что он...

– Ты хочешь спросить, не он ли тот самый мужчина, которого я любила? То есть твой отец?

– Ну да...

– Нет, Зайчик. Саша не твой отец. Не волнуйся.

– Ни фиги себе – не волнуйся... Такие перемены в нашей жизни происходят – и не волнуйся! И что, ты все двадцать лет тайно с ним встречалась, что ли?

– Нет. Встречаемся мы только последние два года. Вернее сказать, прячемся. На углях танцуем. Мы и сами не знали, что все это так далеко зайдет...

– Надо же! Два года! И мне ничего не рассказывала! Скрытная ты, однако!

– Я не могла, Зайчик. Поверь мне.

– Он был женат, да? Хотя чего я спрашиваю... И без того понятно, что был женат...

– Он и сейчас женат. Не успел еще развестись. Просто ушел вчера из семьи. Ко мне ушел, понимаешь?

– Понятно... И большая у него семья? Семеро по лавкам,

да?

– Нет. Только жена и дочка. Твоя ровесница, между прочим.

– Понятно, что ж... Значит, ты чужого мужа из семьи увела...

– Да. Так получается.

– Но ведь это нехорошо, мам?

– Я знаю, Зайчик... Знаю...

– Вот сколько раз я тебя просила – не называй меня Зайчиком, а? Я тебе о серьезных вещах говорю, а ты – Зайчик! Сразу этой дурацкой детской погонялкой все обесцениваешь! И вообще... Зачем ты меня Зоей назвала, а? Для того только, чтобы я всю жизнь в Зайчиках проскакала? Чтобы навсегда была обречена на этого Зайца? И как тебе только в голову пришло, не понимаю...

– Ну что ты сердишься, Зайчик? Не надо... Тем более ты сама знаешь, почему я тебя так назвала... Сто раз уже рассказывала...

– Да знаю, знаю... Ладно, проехали. Прости, мам...

Да, что-то она и впрямь не в меру раскипятилась. Восстание зайчиков устроила. Мама ведь и впрямь рассказывала ей, почему Зоей назвала...

Зоей звали ее драгоценную мачеху, которая и полюбила, и воспитала, и память о себе в сердце оставила. Мамин отец овдовел, когда она только родилась, и женился, стало быть, на этой мачехе по имени Зоя. А потом отец влюбился

в другую женщину, более молодую и видную. И эта «молодая и видная» замуж за мужчину с ребенком не захотела, условие поставила, чтоб ребенка никакого не было. Вот и кинулся отец к этой Зое в ноги – оставь себе дочку, куда ж мне ее теперь... В детдом, что ли, отдавать при живом отце? А Зою и уговаривать не надо было – успела прикипеть сердцем к маленькой маме. Так и стали жить вдвоем... Отец и не помогал никак, ему «молодая и видная» помогать не разрешала. Мачеха Зоя маму вырастила, в институте выучила, а потом со спокойной душой померла, и мама всегда вспоминала ее с любовью и теплотой. И дочку свою в честь нее Зоей назвала. А родной отец так никогда о ней и не вспомнил... И даже встречаться не захотел, когда мама его потом разыскала. Сказал по телефону – стыдно, мол, в глаза тебе смотреть... Мама только недавно узнала, что его в живых нет. Так со стыдом, видать, и умер...

– Слушай, Зайчик... Я тебя попросить кое о чем хотела... – вывел ее из задумчивости тихий мамин голос.

– Что, мам?

– Ты будь с Сашей как-то повежливее, что ли... И прости меня, что не рассказала обо всем заранее. Мне почему-то казалось, что он тебе понравится... Что ты за меня рада будешь... Ну, как это сказать... Априори, что ли...

– Да это ты меня прости, мам. Это я веду себя как маленькая, ей-богу. И этот твой Саша... Он и впрямь ничего такой...

– Да он тебе понравится, я тебя уверяю! Вот начнете общаться, и понравится! Ты мне веришь, Зайчик?

– Да, верю. Я постараюсь, мам. Честное слово. Я постараюсь найти с ним общий язык.

– Правда, Зайчик? Ты сейчас искренне это говоришь?

Мама глядела с надеждой, ждала ответа. И что, что она могла ей сказать? Уверить, что Саша уже ей нравится? А если не нравится, то со временем – непременно?

Да если б мама знала тогда, во что выльется все это «постараюсь», все это «нравится – не нравится»! Но она не знала. Да и сама Зойка тоже не знала до поры до времени. Потому что когда тебе всего девятнадцать – поди еще разберись во всех коварных глубинных оттенках этого невинного на первый взгляд «нравится». И если даже со временем разберешься, это уже ничего не меняет... Придется с этим жить и прятать, прятать эти оттенки в себе глубоко, в самые дальние темницы, запирасть двери темниц на амбарные замки... А главное – самой себе не признаваться, что ты в этих глубинах под амбарными замками прячешь...

Впрочем, никто об этих самых глубинах и знать не знал и не догадывался. Да что там – она и сама о них знать не желала! Потому что Ромку своего любила. Вернее, ей так казалось, что любила...

С Ромкой они дружили с пятого класса. Он был тихим спокойным мальчиком, уютным и покладистым. Никогда с ней не спорил, принимал ее мнение как единственно вер-

ное и правильное, о чем бы это мнение ни было. А еще Ромка был высоким, спортивным и симпатичным, и все девчонки ей завидовали, и даже лучшая подружка Ирка перестала с ней дружить из-за Ромки. Нравился он ей. А третьей лишней Ирка быть не захотела. Да и кому понравится тащить на себе роль третьего лишнего? Все же первыми быть хотят... Первыми и единственными.

А потом она стала смотреть на Ромку другими глазами. Как-то вдруг надоел он ей своей преданностью, неинтересен стал. А однажды подумалось вдруг – Ромка никогда не станет таким, как Саша... И тут же поймала себя на возмущении – господи, да каким таким?! Вот что в нем особенно, в этом Саше? Лицо обыкновенное, возрастное мужицкое. Такое увидишь в толпе и не запомнишь. Ну, маме такой нравится, и хорошо, и слава богу... Она за маму очень рада. Нет, правда, рада...

Но если честно, она и сама понимала, что радость эта не совсем искренняя. Было в ней что-то чуждое, неуютное что-то... Лишний какой-то компонент. И она долго не могла понять, что это за ложка дегтя в бочке меда. А потом поняла... И ужаснулась самой себе. Так ужаснулась, что чуть ли не в депрессию впала, сидела у себя в комнате, переживала ужасно. И чувствовала себя преступницей. Все-таки чувство вины – ужасное гадкое чувство, особенно когда ощущаешь себя виноватой перед самым близким на свете человеком – перед мамой...

Мама же поняла ее состояние по-своему. Однажды пришла к ней в комнату, села рядом на диван, помолчала, потом вздохнула:

– Прости меня, Зайчик... Я ж не предполагала, что ты все это так сложно воспримешь... Я думала, ты у меня совсем взрослая...

– Я взрослая, мам. И я абсолютно нормально все воспринимаю, поверь.

– Но я же вижу, Зайчик... Вижу, как ты сама с собой борешься. Нет, я понимаю, как тебе трудно, конечно... Мы всегда были с тобой вдвоем, ты привыкла меня ни с кем не делить, а тут... Наверное, это нормальный здоровый эгоизм, и ничего тут из ряда вон выходящего нет... Но мне все равно как-то тревожно, Зайчик. И если ты скажешь, что... Чтобы Саша и я... То есть я смогу ему все объяснить... И все будет по-прежнему...

– Ты хочешь сказать, что можешь ради меня отказаться от личной жизни, мам?

– Ну да... В общем...

– Да что ты! Как ты могла такое подумать, мам! Мне ведь и впрямь не пять лет, чтобы капризничать и ставить условия! Ну, ты вообще... Даже обидно как-то...

– Прости, Зайчик. Не обижайся на меня. Просто ты очень замкнулась, и я подумала...

– Да не замкнулась я! Просто... Просто с Ромкой поссорилась.

– И в этом все дело?

– Ну да...

– Уфф... А я уже всего себе надумала... Выходит, зря...

– Зря, мам. Все у нас хорошо, правда. Я очень рада за тебя.

Ты такая счастливая стала, никогда такой не была! Просто женщина-праздник, честное слово!

– Да ну тебя, скажешь тоже... – смущенно опустила глаза мама и даже покраснела слегка. – Какая там женщина-праздник, если возраст к полтиннику подступает...

– А празднику все возрасты покорны, что ты! – смеясь, обняла она маму. – Как и у самого праздника нет возраста! Я так за тебя рада, мам!

– Спасибо... Спасибо, Зайчик. Прямо от души отлегло. Я ведь понимаю, что тебе и впрямь трудно принять меня новую... Но я не перестала любить тебя меньше, поверь!

– Ну вот... Опять объясняешь мне очевидные вещи, как маленькой...

– Не обижайся, Зайчик! Ты ж для меня всегда будешь маленькой, потому что я очень, очень тебя люблю!

– Я знаю, мам. И я тебя тоже люблю.

– И ты разрешишь мне быть счастливой, правда? И попытаешься принять Сашу? Он ведь хороший, очень хороший... Он умный и добрый... Он очень интересный человек... Конечно, у нас с тобой такого опыта нет, в нашем доме никогда не жил мужчина... Но мы ведь вместе постараемся, правда? Чтобы всем было хорошо...

Впрочем, особо стараться никому не пришлось, все как-то наладилось само собой. Все ненужные оттенки были так надежно спрятаны, что она и сама о них не вспоминала. Просто плыла по волне чудесного и каждодневного домашнего праздника, и не чувствовала себя третьей лишней, и даже охотно ходила с мамой и Сашей в походы, до которых он оказался большой охотник и их с мамой заразил этим нехитрым делом. Нет, правда, это было прекрасно – взять и махнуть дикарями на природу! С палаткой, с котелком, с гитарой... Сидеть вечером у реки, смотреть на огонь костра, на звезды и слышать, как плещется в заводи рыба... И думать про себя – пусть, пусть так будет всегда. Пусть мама будет счастливой, пусть они с Сашей тихо поют свои песни... Те самые, которые все пели во времена их молодости. Сначала они казались ей немного допотопными, а потом прислушалась – и ничего... Очень даже душевненько...

Ей нравилось. Даже иногда подпеть хотелось, да слов не знала. А мама знала. Но пели они с Сашей не для нее – для самих себя пели. И лица у них были такие молодые... Такие грустные и счастливые...

А однажды она спросила:

– Что это за песни ты поешь, Саш? Вроде знакомые, и вроде я не знаю таких...

– Да все просто, Заяц... – задумчиво проговорил Саша, откладывая гитару. – Песню можно и не знать, но так получается, что душа ее знает... У каждого поколения есть своя

потребность в песенном движении души. Мы вот Визбора без ума любили и пели, вы что-то другое поете, но родом из той же душевной потребности...

И Саша пропел куплет из «Сплина».

– ...Это ты знаешь, Заяц?

– Да, знаю...

– Нравится?

– Нравится. Это же «Сплин». Хотя они сейчас не такие популярные... Мы с Ромкой недавно ходили на их концерт, и мне уже не так понравилось. Первый альбом у них лучше был. Но это дело вкуса...

– Да, вот именно. Дело вкуса. Лишь бы душа музыки требовала. Хоть какой, не важно, главное, чтобы она с тобой совпадала. Даже и такая, к примеру... погоди, сейчас вспомню, как это звучит...

И он запел немного насмешливо, немного гнусаво, но во все не обидно, а как-то даже и с уважением к знакомому до боли речитативу: «Я помню белые обои...»

– И это я знаю! Тоже известная группа! – откликнулась Зоя, пропев вместе с ним последние строчки.

– Ну вот, я ж говорю... У вас теперь свое, а у нас тоже было свое. Содержание примерное то же самое, только формат подачи другой. И души одинаково откликаются. Кто слышит, тот знает. Кто не слышит, тот злится на тех, кто слышит.

– Так все слышат, по-моему!

– Не скажи, Заяц, не скажи... У одних душа много этого

ультразвука требует, у других поменьше, а третьим вообще слышать не дано...

Мама молчала, слушала их диалог. Потом подняла глаза, улыбнулась, пояснила тихо:

– Саша всегда хорошо пел под гитару, всегда был душой компании... И мы в те времена все любили Визбора. И от Высоцкого были без ума.

– Ну, ты-то, допустим, больше «Пинк Флойд» слушать любила, помнишь? – немного ревниво спросил Саша, с улыбкой глянув на маму. Потом перевел взгляд на нее, спросил быстро: – А ты, Заяц, слышала когда-нибудь музыку «Пинк Флойд»?

– Не-а... – непринужденно улыбнулась она. – Я даже не знаю, кто они такие...

– Боже мой, Таня! Она не знает про «Пинк Флойд»! – нарочито трагически проговорил Саша, обращаясь к маме. – Как ты плохо воспитала свою дочь, Таня!

– Да вот... Что получилось, то получилось... – тоже нарочито виновато развела руки в стороны мама. – Уж извините за ради бога...

– Ничего, извиняем. И за то спасибо, что получилось. Будем перевоспитывать, что ж...

– Не надо меня перевоспитывать, Саш! – смеясь, замахала она руками. – Лучше спой еще что-нибудь... Что там еще у Визбора было?

– О, так это в один поход не управиться, что ты... Песен

у него много...

– И ты все их знаешь?

– Ну, все не все... Но знаю и помню много...

Так они и жили, будто втроем одну общую песню пели. Немного насмешливую песню. С легким припевом. И очень душевную. Через какое-то короткое время ей казалось, что Саша жил с ними всегда... Он вел себя абсолютно непри-
нужденно, и она отзывалась легко и весело на эту его непри-
нужденность... И ей даже нравилось, что он не особо с ней церемонится и не старается быть хорошим. И даже ворчит иногда.

– Заяц, не будь поросенком, а? Поела – убери за собой.

Прислугу в доме не держим.

– Хм... – поднимала она на него глаза, послушно вставая к мойке, чтобы вымыть тарелку. – Представляю себе зайца, ставшего поросенком... То еще зрелище, ага?

– Ну, так и я о том же, Заяц...

А однажды, когда она окрасила пряди волос в разные цвета – малиновый, сиреневый и фуксию, – Саша, глянув на нее, чуть поморщился и проговорил насмешливо:

– Ты ведь рыжая... Это совсем не твое. Не будь обезьяной, Заяц... Будь собой...

– Собой – это просто зайцем, да?

– Лучше быть зайцем, чем гибридом зайца и обезьяны. То еще зрелище, согласишься.

– Кем хочу, тем и буду!

– Не злись, Заяц. Не будь змеей...

– Бедный, бедный заяц! Ни в поросята ему нельзя, ни в обезьяны, ни в змеи... Куда ж можно-то?

Они глянули друг на друга, рассмеялись. Чувство единения, выросшее из глупого, в общем, диалога было таким сильным, что у нее почему-то перехватило горло. Ни с кем никогда не было у нее такого душевного единения... Даже с мамой... Просто необъяснимое какое-то чувство. Будто крылья за спиной выросли. Будто один только Саша видит эти крылья, больше никто. Наверное, так и живут счастливые полные семьи, как в облаках летают...

И у них тоже была семья. Да, все было бы замечательно, если бы не одно «но»... Забыть бы о нем, уничтожить к чертовой матери! Проснуться однажды утром и почувствовать – нет ничего! Мама любит Сашу, Саша любит маму, и она этому ужасно рада. И ни о чем запретном не думает. Потому что даже думать нельзя. Стыдно. Да, если бы так...

Но не получалось. Иногда то, что было внутри, вырывалось наружу и становилось неуправляемым. И трудно было находиться с Сашей рядом... Сидеть с ним рядом на диване, когда он смотрел футбол по телевизору, ловить его эмоции яростного болельщика, вдыхать запах его парфюма... И опять сильно сжимал горло страх обнаружить себя, и внутри начиналось что-то бесстыдно невообразимое...

Тут был один только выход – встать и уйти к себе в комнату. Что она и делала. И чувствовала, что он смотрит ей вслед.

И самое страшное, что понимает... Или догадывается...

А может, и не понимает. И не догадывается. Скорее всего, ей кажется, что он понимает. Или хуже того – ей очень хочется, чтобы понимал. И в то же время не хочется, чтобы понимал!

А сны... Черт бы побрал эти сны! Она иногда такое в них видела, что просыпаться было стыдно! Так и лежала, не шевелясь и натянув на голову одеяло, пока из кухни не слышалось мамино удивленное:

– Зайчик! Ты что, сегодня решила в институт не ходить? Вставай, вставай, Зайчик! Глянь в окно, какое утро чудесное! Хватит валяться, вставай...

Веселый и ласковый мамин голос еще больше погружал в чувство вины, и потом она ходила весь день в дурном настроении, и прятала глаза ото всех, будто в них можно было эту виноватую досаду разглядеть... Или обрушивала эту досаду на бедного Ромку, если он попадался ей под руку. А он таки попадался, потому что все время норовил встретить ее после занятий. Даже ребята из группы давно привыкли к тому, что Ромка ходит за ней тенью, и приходится приглашать его вместе с ней на стихийные студенческие посиделки – или в кафе, или у кого-нибудь дома...

Ромка после школы даже в политехнический поступил потому только, что он находится недалеко от юридического, в десяти минутах ходьбы. Поступить-то поступил, да только учебы не осилил. Отчислили на втором курсе за неуспе-

ваемость. Аккурат перед весенним призывом... Ромка тогда очень испугался. Не того, что в армию пойдет, а того, что она его не дождется. Заглядывал ей в глаза, повторял по десять раз одну и ту же фразу:

– Это ведь всего один год, Заяц... Всего какой-то год... Это ведь совсем ничего по сути, правда?

Она отвечала сердито:

– Правда, правда... Только не называй меня Зайцем, ради бога! Мы ж договаривались, что хоть ты не будешь...

– Но ведь мамин муж называет тебя Зайцем, и ничего! Тебе даже нравится! По крайней мере, ты ему этого не запрещаешь!

– А вот это уже не твое дело, понял? Ему не запрещаю, а тебе запрещаю!

– Хорошо, я не буду... Как хочешь... Только скажи – ты ведь подождешь меня, правда? Это всего один год...

– Господи, да куда я денусь, Ромка! О чем ты говоришь!

– А к маме моей заходить будешь? Заходи, пожалуйста, хоть ненадолго... Она так тебя любит, Зой...

– Хорошо. Я буду заходить к Анне Константиновне.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Он снова ловил ее взгляд, а она сердилась. Вот же зануда, а? Скорей бы уж проваливал в свою армию... Нет, за любовь и преданность спасибо Ромке, конечно. Она ж все понимает, в чем вопрос... Любовью оскорбить нельзя, это и дураку яс-

но. Но иногда пристанет с ножом к горлу, и поневоле хочется переступить через это нельзя, ей-богу...

Ромкина мама Анна Константиновна звала ее доченькой. Часто звонила, зазывала в гости. Была она дамой сентиментальной, говорила с придыханием, умильно заглядывала в глаза. Поила зеленым чаем с домашним печеньем, расспрашивала про учебу, делилась тревогами о сыне. И так же, как Ромка, глядела на нее преданно. Почти заискивающе. Иногда Зое казалось, что был бы у нее хвостик, то и хвостиком бы помахивала от радости. Даже неловко как-то становилось и хотелось быстрее уйти...

Дома тоже эта версия прижилась, что она ждет Ромку из армии. Мама и Саша все время шутили по этому поводу, и это ее ужасно раздражало. Но чем больше она сердилась, тем больше, кажется, они веселились... Например, когда приходило очередное письмо от Ромки (а он ей письма писал, как дурак, хотя была возможность просто кликнуть на мобильнике ее номер и просто поговорить!), Саша как бы невзначай начинал напевать себе под нос песню про солдата, и мама так же задумчиво подхватывала.

Она уходила в свою комнату, хлопнув дверью. Наверное, со стороны ее поведение и впрямь смешно выглядело, и можно было найти к нему любое подходящее объяснение – стесняется, мол... Скромничает... От того и сердится. Не будешь ведь кричать на весь свет, что никакой Ромка ей вовсе не нужен! Да и вообще – никто не нужен! Кроме... Да, вот имен-

но. Кроме! А что за этим «кроме» стоит, никто и не догадывается. И никогда не догадается. Мало ли, какие ужасные тайны может прятать в себе человек! Это его личное дело, между прочим! Тем более когда эта ужасная тайна касается самого близкого на свете человека – мамы!

А мама была счастлива. Расцвела, похорошела, похудела, истончилась в талии, как девчонка. Никому ж не пришло в голову связать эту внезапную худобу с болезнью... И маме тоже не пришло в голову. Когда человек любит и счастлив, его всякие дурные мысли и опасения не посещают, все сжигается в костре новых эмоций.

А новых эмоций было много. И всяких событий тоже. Например, однажды к ним в дом пришла в гости Сашина дочь Вика – Зойкина одногодка. Позвонила с вечера, напросилась на воскресный обед. Мама почти всю ночь не спала, волновалась... А с утра на рынок поехала, чтобы купить к обеду все самое свежее и лучшее. Расстаралась, как умела...

А эта Вика повела себя так, будто ее в гости силой затащили. Как только ступила на порог, сразу обдала презрением и маму, и Зойку, и Саше тоже досталось. Молча прошла в гостиную, села на диван, огляделась. Потом произнесла насмешливо:

– Да уж, не Версаль...

Саша молчал, глядел на нее со спокойной улыбкой. Не заводился, не хамил в ответ. А Вика снова проговорила с вызовом:

– И что? Тебе здесь лучше живется, да?

– Вопрос не корректен, дочь. Давай сменим формат разговора. Обедать будешь? У нас на обед твоя любимая солянка...

– У вас? У вас на обед?

– Ну да...

– Ну, если у вас, тогда сами и пообедайте. Я тут при чем?

– Но ты же в гости пришла... Или я что-то неправильно понял?

– Да, папа. Ты в последнее время все неправильно понимаешь. Абсолютно. И все неправильно делаешь. И вообще, я не собираюсь выяснять с тобой отношения при посторонних...

Она косо взглянула на Зойку, которая сидела в кресле и вежливо улыбалась. Так вежливо, словно сию секунду готовилась к переходу от простой вежливости к искренней дружбе с этой Викой. Хотя и без того уже понятно было, что никакой дружбы не получится.

Из кухни выглянула мама, проговорила с улыбкой:

– Пойдемте обедать, у меня все готово... Заяц, покажи Вике, где руки можно помыть...

– Не надо мне ничего показывать, спасибо! – звонко и с вызовом проговорила Вика, подсакивая пружиной из кресла.

– Ну, не надо так не надо... Можно и так... – растерянно проговорила мама и указала приглашающим жестом на кух-

ню.

Но Вика ничего не ответила, лишь скользнула по маме презрительным взглядом. Потом вышла в прихожую, открыла дверь и, не прощаясь, быстро начала спускаться вниз по лестнице.

– Вика, вернись! – позвал Саша, выходя следом за дверь. – Ну как ты себя ведешь, ей-богу... Ты же взрослый человек...

Зойка вдруг явственно услышала растерянность в его голосе. И, не отдавая себе отчета, быстро сунула ноги в кроссовки, тоже выскочила за дверь и понеслась следом за этой Викой, хотя совсем не представляла себе, что скажет ей, когда догонит... И догонит ли вообще...

И все же она ее догнала – уже на автобусной остановке. Встала рядом, пытаясь отдышаться. Вика стояла, смотрела прямо перед собой, к ней не повернулась даже. Отдышавшись, Зоя произнесла:

– Ну зачем ты так, Вика... Зачем ты маму мою обидела? В чем она перед тобой провинилась? Она с утра над этим обедом колдовала...

Вика, не поворачивая головы, бросила жестко и холодно:

– Ты это серьезно сейчас?

– Что – серьезно? – моргнула растерянно Зоя.

– Ты серьезно считаешь, что твоя мать ни в чем не виновата?

– А в чем она виновата?

Вика наконец развернулась к ней, глянула прямо в гла-

за. Зое даже пришлось отступить на полшага – показалось, что накрыло вдруг с головой исходящей от Вики злостью. Но глаз не отвела – с чего это ради? В конце концов, пусть и в самом деле объяснит, в чем провинилась перед ней мама.

– В чем виновата, говоришь? А сама не понимаешь, да?

– Нет. Не понимаю. Ты можешь обижаться на своего отца, что он от твоей мамы ушел, это да. Но ведь это его решение, Вика. Только его. Моя мама тут ни при чем.

– Да? Значит, моя мама должна за все отвечать? Отец будет жить счастливо, твоя мать с ним будет жить счастливо, а все несчастье и унижение одной моей маме достаться должно? Да за что? За какие такие грехи? Ты хоть понимаешь, каково моей маме сейчас? Какие чувства она испытывает? И что с ней происходит, ты знаешь?

– Нет... Нет, конечно. А что, она очень сильно переживает, да?

Вика усмехнулась злобно и снова от нее отвернулась, будто не собиралась отвечать на ее вопрос. Наверное, он и в самом деле был очень глупым... И зря она за Викой побежала, наверное. И, чтобы хоть как-то замять неловкую ситуацию, Зоя произнесла с настороженным сожалением:

– А я надеялась почему-то, что мы с тобой найдем общий язык... И даже подружмся... И телефонами обменяемся...

– Ну и зря надеялась.

– Ну почему же, Вика...

– Потому! Потому что мы можем быть только врагами,

поняла? Потому что мне очень жалко свою мать! Потому что она страдает и переживает не самое лучшее время в своей жизни! Потому что это очень больно, когда тебя бросают... А ты стоишь тут и лепечешь всякие несусветные глупости – телефонами обменяемся, дружить будем... Ага, щас! Разбежалась! Да я видеть тебя не хочу, слышать тебя не хочу, поняла? И разговаривать с тобой больше не хочу, понятно?

– Понятно. Только если это все так... Зачем тогда ты в гости к нам захотела прийти?

– Ой, да просто посмотреть хотела, на кого отец мою маму променял... Просто ужасно интересно стало... И на тебя тоже посмотреть захотелось! Потому что не я теперь с папой рядом, а ты! Рыжая, конопатая! Хотя на тебя мне плевать по большому счету, не ты же папу из семьи увела. Да, я просто посмотреть на нее хотела...

– Ну что, посмотрела?

– Конечно. Между прочим, моя мама в сто раз лучше выглядит. И моложе. И красивее. Да если их поставить рядом – твою мать и мою... Да их и сравнить нельзя даже... И неправда, что мой отец всегда твою мать любил, это он все придумал! Он не мог ее любить, поняла? Он только мою маму любил... И квартира у нас в сто раз лучше, между прочим! У мамы моей вкус есть ко всему! А у твоей... Никакой фантазии, господи... Никакого стиля... И я не понимаю отца, хоть убей! Как он мог променять маму на все это безобразие?

– Слушай, хватит хамить, а? Сама ты безобразие, поняла?

– Да на себя посмотри, господи... Да если б я была такой ужасно рыжей, я бы хоть что-нибудь да сделала с собой, а ты... Да у тебя ж свободного места на лице нет от веснушек! Не лицо, а кукушачье яйцо! Неужели ты в зеркало никогда не смотришь, а?

От такого напора неприязни Зоя совсем растерялась. Сама того не осознавая, Вика ударила по самому больному месту – по внешности. Кукушачьим яйцом ее еще никто никогда не обзывал...

Может, она бы и отошла от растерянности и ответила Вике достойно, но как раз в это время подошел автобус, и Вика легко заскочила в него, даже не попрощавшись. Двери захлопнулись, автобус тронулся с места. Мимо в окне проплыло непроницаемое лицо Вики...

Придя домой, она сразу прошла в свою комнату, долго рассматривала свое лицо в зеркале. Неужели эти рыжие крапинки и впрямь так ужасно его безобразят? Мама ведь ей с детства внушала, что все наоборот... Что это отличительная ее особенность, что даже на картинах рисуют девушку с веснушками, когда хотят изобразить весеннее настроение... А оказывается, оно вовсе другие ассоциации вызывает! Никакая не весна, а кукушачье яйцо! И даже яркие рыжие волосы ситуацию не спасают, хоть и модно подстриженные озорными вихорками! Наверное, мама ее просто обманывала... Самооценку пыталась повысить, чтобы лишних

комплексов не было, вот и все!

Она вздрогнула от стука в дверь, проговорила хрипло:

– Да... Открыто...

Заглянул Саша, проговорил как ни в чем не бывало:

– Заяц, пойдем обедать! О, господи... Ну что у тебя за лицо, Заяц? Может, ты тоже плакать собралась, а? Я маму только что успокоил, теперь ты...

– Нет, я не буду плакать, Саш. И вообще... Я думаю, твоя Вика со временем успокоится и все поймет. В конце концов, она ж не ребенок, чтобы застревать в обиженности. Она поймет, Саш...

– Я тоже на это надеюсь, Заяц. Она ведь неглупая девочка, знаешь... Я думаю, со временем все наладится. А что ты как-то слишком внимательно себя в зеркале рассматриваешь, а?

– Да нет... Это я просто так...

– Заяц! А ну, колись! Тебе Вика сказала что-то обидное, да?

– Она сказала, что у меня не лицо, а кукушачье яйцо...

– Да ладно...

– Так и сказала, Саш...

– А ты и уши развесила, да? Сидишь и каждую веснушку под микроскопом разглядываешь? Делать тебе нечего, да?

– Нет, я не рассматриваю... Просто... Зачем она так, Саш? Обидно же...

– А ты прости ей, Заяц. Возьми и прости, махни рукой.

Пойми, ей сейчас очень трудно... А ты сама под руку попала, что ж... Но обида у Вики пройдет, поверь. Ничего, по-дружитесь еще со временем... Вы ж обе отличные девчонки, и красивые, каждая по-своему. А веснушки тебе очень идут, правда. Я даже представить тебя не могу без веснушек... Без этих рыжих вихорков... Мне, например, очень даже нравится... Это я как мужчина тебе говорю...

Она обернулась, посмотрела на него очень внимательно. Больше, чем простая внимательность это позволяла. Не хотела, но так само получилось... И, чтобы сгладить неловкий момент, произнесла насмешливо:

– И поэтому ты меня называешь рыжим Зайцем, да?

– А что, тебе разве не нравится? По-моему, очень забавно звучит – рыжий Заяц... Не серый, не белый, а рыжий! Ты представляешь, как тебе повезло, а? Единственный экземпляр среди всех зайцев, вместе взятых!

– Ну, не знаю насчет везения... И в кого только я такой уродилась, не знаю...

– Твой отец тоже рыжий, между прочим. Тебе его гены достались.

Она глянула на него удивленно, хотела еще спросить об отце, но не успела – мама из кухни настоятельно звала их обедать. Подумала только – потом у Саши об отце спрошу... Мама все равно никогда о нем не рассказывает.

Глаза у мамы были слегка заплаканные. Видимо, чувствовала себя виноватой в том, что не удался визит Сашиной

дочери. Пришлось отвлечь ее посторонними разговорами, и Саша активно ее поддержал, хотя и чувствовалось, что ему тоже не по себе. А у нее все не выходило из головы – надо будет потом выпросить у Саши про отца... Вытянуть информацию, хоть какую-то... Интересно же, что он за человек! И не просто человек, родной отец все-таки...

И спросила. Следующим же вечером и спросила. Мама аккуратно на работе задерживалась, они с Сашей были дома вдвоем, пили чай на кухне.

Начала издалека, чтобы не спугнуть его прямым вопросом.

– Саш... А ты маму давно знаешь?

– Давно, Заяц. Ей было столько же лет, как тебе сейчас, когда мы познакомились. Хотя вру... Она тогда только-только институт окончила... Стало быть, на пару лет старше была тебя, нынешней.

– А как вы познакомились, Саш?

– Мы работали вместе. Я уже давно в том конструкторском бюро работал, а она по распределению после института пришла. Молодым специалистом была. Да, Заяц, в те времена еще были конструкторские бюро... И было обязательное распределение после окончания института...

– И что? У вас был роман, да?

– Нет. Не было никакого романа. Я ее любил, а она меня нет. Она другого любила.

– Кого? Моего отца?

– Да, твоего отца.

– А... Какой он, расскажи?... Кто он вообще?

– А ты не знаешь? Тебе мама о нем не рассказывала?

– Нет... Уж я не знаю почему, но эта тема у нас – табу...

Я много раз пыталась спросить, а мама так и не захотела ничего рассказать. Почему? Ты не знаешь?

– Значит, не сочла нужным рассказывать. Ей виднее, Заяц. А это значит, и я тоже не буду, прости. Наверное, всему свое время... Ты только не обижайся, ладно? Вон у тебя от досады даже веснушки на лице побледнели.

– Вот и хорошо, что побледнели! Хотя несколько минут человеческое лицо будет, а не кукушачье яйцо!

– Господи, ну какая ж ты еще глупая, Заяц! Сколько раз можно тебе объяснять, что твоя рыжина – это твоя природная удача, отличительная особенность! Гордиться надо, а ты вбила себе в голову ерунду какую-то...

– Я не хочу гордиться. Я хочу быть как все. А из-за этой отличительной особенности... Я чувствую себя не в своей тарелке, мне неуютно...

– Ну вот, здрасьте! Опять комплекс неполноценности к тебе постучался! Тук-тук, кто в избушке живет? Я, рыжий зайчик-попрыгайчик... А я нехороший комплекс, открой дверь, я к тебе поселюсь! Будем жить вместе! Я тебе жизнь испорчу, хочешь? Сначала испорчу, потом из твоей же избушки и выгоню...

Он так смешно изображал диалог рыжего зайчика-попры-

гайчика с нехорошим комплексом, что Зоя не удержалась, рассмеялась от души. А Саша будто того и ждал, продолжил ее наставлять:

– И не смей больше комплексовать, слышишь? Не пристало тебе! Потому что права не имеешь! Потому что ты девушка-весна, ты девушка-солнце... Когда ты улыбаешься, то будто загораешься изнутри рыжим светом... И это очень... Очень красиво, просто глаз нельзя оторвать...

Он вдруг оборвал себя на полуслове, глянул на нее очень странно. Будто с настороженной опаской. Будто сам на себя немного досадовал...

А у нее резко перехватило дыхание. Потому что она увидела вдруг, почувствовала эту досаду, эту опасливость! Будто что-то приоткрылось на миг, сверкнуло и снова закрылось... Уже навсегда закрылось. По крайней мере, по Сашину выражению лица она поняла – да, навсегда. Мол, сболтнул лишнего, взял неправильную тональность... И ей надо принять это «навсегда». И можно только иногда воспроизводить в памяти эту короткую яркую вспышку, и рассматривать через лупу, смаковать... И додумывать в своих фантазиях...

И впрямь, что это было, а? Или не было? Или ей показалось? А вдруг?! Да нет же, нет... Этого быть не могло. Она сама себе все придумала. Дорисовала, нафантазировала. И вообще, надо быть умной и понимать, что так нельзя. Даже в мыслях нельзя. Даже там нельзя, где на замки закрыто.

В конце концов, она взрослая рассудительная девица, а не какая-нибудь там Лолита малолетняя и бесстыжая, и примерять на Сашу дурацкую роль Гумберта-Гумберта просто не имеет права... И маму на такое свинство не имеет права подписывать...

Да и вообще – фу! Даже думать об этом противно! Остынь, рыжая дурная башка! Сама справляйся с подлыми мыслями! Потому что не место им в доме, где живут мама и Саша. Потому что мама любит Сашу. А Саша любит маму. А она... Она ждет Ромку из армии. Да, вот так... И можно даже похвалить себя за это... Молодец, рыжий Заяц, хороший рыжий Заяц, он умеет собой управлять. А если вдруг и понесло на секунду – надо простить рыжего Зайца, не судить строго. Он же не виноват, что его угораздило полюбить того, кого любить ну совсем нельзя, ни при каких обстоятельствах...

И все, и хватит об этом. И никаких подобных мыслей больше. Все, хватит, занавес! Живем дальше...

Через год Ромка пришел из армии. Она была ему рада. И даже охотно приняла его любовь и постоянное присутствие рядом, и нежность его приняла, и сдерживаемое хорошим воспитанием вожделение. Потом они все же переспали после вечеринки у одного Ромкиного приятеля. Вечеринка была на даче, она тогда упилась шампанским и толком не поняла, как это все произошло. Да и не жалко было, в общем... Чего уж там... Наверное, давно пора было расстаться с дев-

ственностью. Чего зря Ромку мучить?

А Ромка был счастлив. Она еще в себя прийти не успела, то есть глаза свои хмельные открыть, а Ромка уже сбегал в лес и принес ей охапку майских полевых цветов. Плюхнулся возле кровати на колени и предложил руку и сердце, и чтобы немедленно все, и чтобы завтра же заявление в загс... Она еле-еле отговорила от такой скоропалительности. Объяснила, что торопиться им некуда, что ей надо хотя бы третий курс окончить. Ромка огорчился, но возражать не стал. Он вообще ей ни в чем никогда не возражал...

Мама наблюдала за их отношениями с некоторой опаской. И в то же время ничего против Ромки не имела. А однажды спросила в лоб:

– Зайчик, скажи... Уж не замуж ли ты собралась, а?

– Нет пока. Успею еще... – отмахнулась она легкомысленно.

– Но ты хоть любишь его, Зайчик?

– Ой, мам... Ну я тебя умоляю... Если надо будет – полюблю!

– Ты думаешь, это все так просто, да? Захочу и полюблю?

– Но ведь ты же полюбила Сашу? А раньше не любила...
Ведь так?

Мама посмотрела на нее странно и больше ни о чем не спросила. Пришлось успокоить ее, обняв за плечи и ласково заглянув в глаза:

– Да все будет хорошо, мам... Всему свое время, правда?

Не переживай за меня, пожалуйста, я разберусь...

А потом мама заболела. И стало не до разговоров. И вся жизнь покатилась не туда...

* * *

То утро было самым обычным. Зоя проснулась от аппетитного запаха гренок, доносящегося из кухни – ага, Саша уже встал, завтрак готовит... Еще не проснувшееся сознание настроилось было на привычную утреннюю радость, но в следующую секунду она спохватилась – ты что, дуручка, какие могут радости... У тебя ж мама умирает... Неизвестно, сколько еще ей осталось – может, месяц, а может, неделю... В любой момент может самое страшное совершиться...

Захотелось плакать, сунув голову под подушку и прижав ее сверху ладонями. И задохнуться от слез, и вообще не вылезать из постели... И не начинать этот очередной мучительный день, сотканный из страшного ожидания. Да, именно так – ожидания. Потому что знаешь, что рано или поздно это произойдет... Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через неделю. Не через неделю, так через месяц...

Но плакать нельзя. Ни в коем случае. Потому что мама не хочет, чтобы она плакала. Мама хочет, чтобы все дни выглядели обыденно, без акцента на то непоправимое и ужасное, что давно поселилось в их квартире, на их бывшем острове.

ке счастливого бытия. И потому мама встречает каждое утро с улыбкой... Через боль, через невыносимое страдание, через это ужасное понимание своего скорого ухода – все равно с улыбкой! Зоя и не знала раньше, и предположить не могла такого присутствия духа в своей хрупкой маме...

Застонав, она откинула подушку с лица, с силой провела по нему ладонями. Вверх-вниз, вверх-вниз. Потом вытолкнула себя из постели, подошла к окну, отдернула штору...

Да, ничего за эту ночь не изменилось. По-прежнему за окном осень, прозрачно-солнечная и холодная. Вон, даже не успевшие опасть листья на деревьях скукожились неуклюже, так и не дождавшись праздничного прощального полета по ветру. Уж лучше бы дождь шел, ей-богу. Настроению бы соответствовал...

Еще раз проведя по лицу ладонями, словно пытаюсь стереть с него отчаяние, Зоя отправилась в ванную. Долго стояла под душем, не в силах выйти из парного тепла. В квартире было холодно, отопления все еще не давали. Да и не надо, в общем. Вдруг маме от согретого воздуха станет хуже? Отопление же кислород забирает...

Перед тем как зайти на кухню, она изобразила радость. Ту радость, которая раньше всегда царила по утрам на кухне и которую начинаешь по-настоящему ценить и осознавать потом, когда приходится насильно себя на нее настраивать... Но надо настраивать, иначе нельзя.

Мама сидела за кухонным столом, пила чай. Вернее, про-

сто держала чайную чашку в пальцах, будто цеплялась за нее, как за необходимую опору. Увидев ее, улыбнулась...

– Доброе утро, Зайчик. Как спала? Что-то выглядишь плохо... Не заболела?

– Нет, мамочка, я здорова. Все хорошо, мамочка.

Саша перевернул гренку на сковороде, обернулся к ней на секунду. Наверное, его тоже покорило это ее оптимистическое «я здорова», так нелепо прозвучавшее в напряженном пространстве.

– Заяц, ты что будешь, чай или кофе? – спросил нарочито громко.

– Кофе хочу...

– Тогда наливай сама, еще горячий в кофейнике... У меня гренки сгорят.

– Угу...

Встала, налила себе кофе. Саша тут же подсунул ей тарелку с аппетитными гренками, снял фартук, тоже сел за стол. По его напряженному виду, по тому, как он сердито глянул на дисплей телефона в руке, Зоя поняла, что у Саши какой-то очередной аврал на работе. И что надо немедленно прийти ему на помощь. Потому что без помощи он не сможет уйти... Хотя с вечера договаривались, что в это утро она уйдет на занятия, а Саша останется с мамой. А к обеду она вернется и отпустит его на работу... Но, видимо, что-то у Саши пошло не так. Надо срочно менять дислокацию.

– Саш, мне сейчас Ленка позвонила, девчонка из нашей

группы... Оказывается, я все перепутала, и первой пары не будет. И на вторую я могу не ходить, потому что у меня зачет автоматом будет, я точно знаю...

Саша посмотрел на нее быстро. Все понял. И про вранье спасительное понял. И принял с благодарностью. Так ей и сказал одними глазами... Сделал большой глоток кофе, перегнулся через стол, поцеловал маму в щеку и произнес весело:

– Ну все, девочки, я побежал... Танечка, я одной ногой здесь, другой уже дома, с тобой... К обеду прибегу! Купить что-нибудь нужно? Может, арбуз? Поешь арбуза, Танечка?

– Давай арбуз... – ласково улыбнулась мама, по-прежнему цепляясь пальцами за чайную чашку. – Да, Саш, я хочу арбуз...

– Заяц, ты мне звони... Каждые полчаса звони...

– Ага. Поняла. Буду звонить обязательно.

В дверях он обернулся, будто еще думал, уходить или нет. Зоя нетерпеливо махнула рукой – уходи, мол... Я же здесь. К обеду вернешься...

Когда за Сашей захлопнулась дверь, мама оторвала слабую ладошку от чайной чашки, провела тыльной ее стороной по щеке. Ладошка дрожала, пальцы были бледными, почти прозрачными. Глянув на Зою, произнесла еле слышно:

– Я сегодня уйду наверное, Зайчик... Я так чувствую... Ты не пугайся, ладно?

– Ма-а-ам... Ну что ты такое говоришь...

– Ты же все понимаешь, Зайчик. Ты крепись, ты у меня сильная. И взрослая. Ты сможешь... Помоги мне, пожалуйста, до кровати добраться, что-то голова кружится...

Зоя подскочила со стула, помогла маме подняться, довела ее до кровати, уложила, заботливо накрыла пледом. И все время что-то приговаривала при этом, будто боялась, что снова услышит от мамы то самое... Самое страшное... Но мама вдруг перебила ее решительно:

– Зайчик, послушай меня... Нам надо с тобой поговорить, Зайчик. Вернее, я хочу у тебя спросить... Только ты не сердись и не удивляйся моему вопросу, ладно?

– Конечно, мам. Спрашивай...

– Ты ведь любишь его, правда?

– Кого?! – испуганно отстранилась Зоя, глядя на маму с ужасом.

Хотя ей понятно было, кого мама имеет в виду, о ком спрашивает. Просто хотелось уйти от ее вопроса...

– Да ты не пугайся, Зайчик, что ты. Я же не... Я же все понимаю... Сейчас такой момент наступил, когда нельзя нам друг другу лгать...

Зоя не удержалась, заплакала. Мама смотрела на нее с грустной понимающей улыбкой, молчала. Давала выплакаться. Ждала, когда она сможет заговорить...

– Как ты... Как ты догадалась, мам... Ведь я не... Я же никак... Это же было только мое, и я бы никогда никому... – наконец пробормотала Зоя, все еще всхлипывая.

– Ну ты же моя дочь, я же всю тебя вижу, всю чувствую... Особенно в последнее время стала все очень остро воспринимать. Когда человек уходит, он видит все по-другому, не так, как раньше. Многие вещи ему открываются... И тебя я тоже увидела... Поняла, что ты его любишь...

– Мам... Прошу тебя, не надо...

– Да отчего же, Зайчик мой милый? Наоборот... Я ведь очень сильно тебя люблю, я хочу, чтобы ты была счастлива. И не мне судить любовь... Ее вообще никто не имеет права судить. И как же я могла не догадаться, что ты! Знаешь, я ведь даже хотела с Сашей расстаться... Когда увидела, когда поняла... Все собиралась ему как-то объяснить, но нужных слов не придумалось. А потом... Потом уже не до того стало, просто последние силы иссякли...

– Мам, ну зачем... Не надо было никаких слов придумывать и расставаться не надо. Он же любит тебя, мам... Очень сильно любит... И он бы все равно не ушел...

– Я знаю, Зайчик. Только ведь он любит меня ту, которая в молодости... Он любит память о той любви, понимаешь? А память – она штука такая, она бывает сильнее самой любви...

– Но мам...

– погоди, не перебивай. Я еще не все сказала. Дело в том, Зайчик... Дело в том, что он и тебя тоже любит... И вовсе не как приемную дочь... Только сам себе этого не разрешает, понимаешь? Даже думать себе об этом не разрешает.

Он очень честный... Очень порядочный... Глупая ситуация, правда? Ты не переживай, что так случилось. Ты не виновата. Но ты знай, что я вовсе не...

– Мам, это неправда. Этого просто не может быть, что ты.

– Может, Зайчик. Я вижу. Да, я в последнее время стала очень зрячей. Только ты не думай, что мне больно от этого...
Вовсе нет... И вот о чем я хочу тебя попросить...

Мама приподнялась на подушке и потянула к ней руки, будто собираясь обнять. И тут же задохнулась, и зашлась долгим надсадным кашлем, и все пыталась выбраться из него, преодолевая боль, и глядела отчаянно...

Зоя испугалась, подскочила со стула, засуетилась бестолково:

– Мам, я сейчас... Я тебе воды принесу... Или лучше давай тетю Лиду со второго этажа позову, она укол сделает...

– Не надо... – с болезненной хрипотцой проговорила мама, снова опуская голову на подушку. – Не надо никого звать, Зайчик... Тем более мне уже давно никакие уколы не помогают... Давай лучше договорим, я еще не все сказала...

– Мам, не надо! Прошу тебя, пожалуйста!

– Да я понимаю, Зайчик, я все понимаю... Ну хорошо, давай потом договорим... Ты придешь в себя, и договорим...
Обещаешь меня позже послушать?

– Да, мам. Обещаю...

– Вот и хорошо. А сейчас у меня будет к тебе еще одна просьба... Это касается твоего отца, Зайчик. Ты прости ме-

ня, я тебе о нем никогда ничего не рассказывала... Поверь, я не могла. Все обиду на него хранила, глупая... Годами хранила... А теперь понимаю, что нет уже никакой обиды... Ты вот что потом сделай, Зайчик. Ты найди его, ладно? Скажи ему, что я простила. Он поймет...

– Ты очень любила его, да?

– Я его и сейчас люблю...

– А Сашу?

– И Сашу тоже люблю. Но это другое... И не обо мне сейчас речь. И не о Саше... А о том, что тебе надо найти своего отца. И это не так уж и трудно, если ты решишься... В моих бумагах блокнот есть, там телефон найдешь... Домашний...

– А он что, не переезжал никуда?

– Нет, он там не живет, скорее всего. Но мама его живет. Моя несостоявшаяся свекровь. Да, она по тому адресу живет, я знаю... Вот у нее и спросишь про отца... Только осторожнее ей объясняй, кто ты такая, ладно? Она ведь и не знает о твоём существовании... И отец твой не знает, что ты есть... Ты найди их, Зайчик, обязательно найди. Скажи, что я простила...

Мама хотела еще что-то сказать, но в прихожей хлопнула дверь, и она замерла испуганно и прошептала немного виновато:

– Ну вот, Саша уже пришел... Не успели мы договорить. Но мы обязательно вернемся к этому разговору, Зайчик. Вернемся к моей просьбе... Обещаешь меня выслушать до

конца?

– Да, мам... Обещаю...

Саша зашел в комнату запыхавшись, проговорил быстро:

– Все, Заяц, я освободился... Иди в институт, не надо занятия пропускать...

И тут же будто вытеснил ее из пространства, сел к маме на кровать, взял ее за руку, проговорил озабоченно:

– Тебе надо поспать, Танечка... Ты же всю ночь не спала...

– Да, надо бы. А ты арбуз купил, Саш? – с тихой улыбкой спросила мама.

– Конечно, купил. Большой, звонкий. Очень сладкий, я думаю. Хочешь, принесу?

– Хочу...

Через десять минут он требовательно постучал в ее комнату:

– Можно?

– Да, входи... – ответила она очень тихо. Будто стыдилась отвечать по-другому.

– Да я на минуту... Я тебя ругать пришел... Ну чего ты сидишь, а? Давай-ка дуй в институт, нечего занятия пропускать! Я ж понимаю, что ты про лекции наврала и про зачет автоматом тоже... Спасибо тебе, конечно, очень выручила... А теперь давай, выметайся отсюда! Быстро, Заяц, быстро! Чтобы через пять минут тебя в квартире не было, ну?

Когда она вернулась из института, мама спала. Саша ходил по квартире на цыпочках, боясь потревожить ее хрупкий

сон. И она тоже пошла в свою комнату на цыпочках...

Они еще не знали, что мама больше не проснется. Что умрет ночью, во сне. Что душа ее улетит, так и не успев совершить еще одно важное дело. То есть не успев озвучить какую-то важную просьбу...

Зое оставалось только догадываться, в чем состояла мамина просьба. Но думать об этом было невыносимо. Будто она украла чего или хотела украсть. И у кого?! У мамы...

* * *

Эта мысль не давала ей покоя, пока они с Сашей хоронили маму. Когда шло отпевание в церкви, все время смотрела на ее лицо – такое спокойное, такое безмятежно гладкое... Словно мама своим спокойствием хотела ей сказать: ты ни в чем не виновата передо мной, Зайчик. Не переживай. Живи дальше. И если даже случится так, что ты... Ты и Саша... Помни, что ты не виновата передо мной, Зайчик...

А может, мама вовсе и не хотела ей это сказать. Может, она сама себе все выдумала, чтобы не пребывать в мучительном чувстве стыда, в недосказанности...

Саша стоял рядом с ней, и пламя церковной свечи ложилось робким светом на его задумчиво горестное лицо. Когда стали прощаться, он наклонился к маме, коснулся губами ее лба и прошептал что-то, и вдруг показалось, что она расслышала в его шепоте слово «обещаю»... Что он мог обещать

маме? Что никогда не забудет ее? Но ведь это и без того понятно, что не забудет...

А она так и не смогла воспринять все происходящее до конца, все время казалось, что это ей снится и что они с Сашей придут после похорон домой, а там – мама... Любимая мама. Самый близкий на свете человек. Мама, которая всегда ее понимала. Никогда не была ею недовольна, никогда не сердилась. Мама, которая любила ее без условий. Просто любила, и все. И она так привыкла к этой безусловной любви, что не представляла себе, как без нее жить дальше. Может, поэтому и не воспринималась мамина смерть как что-то фатальное. Душа отторгала эту фатальность, не хотела в себя впускать.

Это потом у нее началась жуткая депрессия. Когда осознала неизбежность и непоправимость произошедшего. Сидела на диване, смотрела в одну точку, ни спать, ни есть не могла. Саша утром уходил на работу, а она вставала с постели и садилась, и смотрела пустыми глазами в стену. И ждала – неизвестно чего. Вся сосредоточилась в этом напряжении ожидания. Как будто мама должна была ей какой-то знак подать – как жить дальше...

Саша приходил с работы, готовил что-то на кухне, пытался заставить ее поесть. Говорил ей что-то – она не понимала, лишь смотрела на него в горестном недоумении.

Однажды он сел рядом с ней на диван, обнял за плечи, встряхнул сильно, да так, что голова ее больно мотнулась на-

зад. И заговорил сердито, почти со злостью:

– Заяц, хватит сидеть и смотреть в одну точку! Не могу больше видеть тебя такой! Ты что думаешь, маме сейчас было бы приятно на тебя глядеть, на такую раскисшую? Ты думаешь, она бы обрадовалась, да?

– Не надо, Саш, так про маму... Это удар ниже пояса... – вяло возразила она, ткнувшись ему в плечо. – Не надо, пожалуйста... Так нельзя... Прояви сочувствие...

– А как можно, по-твоему? Может, мне рядом с тобой усесться и тоже смотреть в одну точку целыми днями? Так ты понимаешь сочувствие? Нет уж, моя дорогая, сочувствие для тебя сейчас – это хорошего пинка под зад получить... Чтобы завтра же в институт пошла, поняла? Утром встала, умылась, оделась и пошла! Ты вообще сессию сдавать собираешься или нет?

– Так далеко еще до сессии... Еще и октябрь не кончился... Кстати, какое сегодня число?

– Тридцатое.

– Ну вот... Я ж говорю, октябрь еще не закончился... Осень еще...

– Ну, если время года определять умеешь, значит, не все так плохо. Давай, Заяц, приходи в себя, не пугай меня. Надо как-то начинать жить... Скоро сорок дней будет по маме, надо поминальный стол накрывать, людей звать... Давай, приходи в себя, я один не справлюсь. Слышишь меня, Заяц?

– Слышу.

Она и впрямь его слышала. Чувствовала заботливые нотки в его голосе. А еще чувствовала на плече его руку – тяжелую и теплую. И запах его парфюма чувствовала – такой знакомый, такой привычный... И всхлипнула, сглотнула первую слезную горечь, ткнулась носом в его плечо. Он еще крепче обнял ее, снова встряхнул:

– Ну все, Заяц, все... Надо как-то начинать жить, Заяц... Ты сейчас поплачь хорошенько, а потом давай, в себя приходи. Обещай мне, что завтра в институт пойдешь, а? Иначе я тебя просто возьму за шкуру и сам туда отвезу, и приведу за руку в аудиторию, как маленькую. Не стыдно будет, а?

– Нет, не стыдно...

– Что, так и сделать предлагаешь?

– Нет, я сама...

– Молодец! Уже хлеб! Кстати, о хлебе... Пойдем на кухню, заточим по бутерброду с колбасой, а? А еще в холодильнике рассольник есть, я третьего дня варил, ты даже не притронулась. А я ж для тебя старался, знаю ведь, что ты рассольник любишь.

– Спасибо. Я не хочу.

– А ты через не хочу! Ну, хотя бы несколько ложек! Давай, Заяц, давай... Поднимайся, пошли на кухню... А к чаю я печенье миндальное купил... Я даже разрешу тебе весь миндаль выковырять, как ты всегда делаешь...

– Да... А мама на меня всегда за это сердилась... Помнишь?

– Помню, Заяц. Я все помню. Так и порешим, стало быть. Тебе весь миндаль, а я печенье съем. Идем...

На следующий день она и впрямь отправилась в институт. И даже общалась с девчонками из группы, и все проявляли сочувствие, и говорили ободряющие слова... А преподаватель по зарубежному праву поймал ее в коридоре и предложил виноватым голосом, будто прощения попросил:

– Леонидова, у нас на той неделе коллоквиум был... Вы бы зашли ко мне, ответили на пару вопросов по теме... Когда вам удобно зайти?

– Я... Я не знаю еще... – растерялась она от такого проявления деликатности, – я подготовлюсь и вам скажу...

– Да, конечно. Я бы и так вам зачет поставил, но тема серьезная, на экзамене по ней будут вопросы.

– Да, конечно. Спасибо вам большое.

– Да что уж... Я понимаю... Тоже недавно маму похоронил... Да, надо подготовиться, Леонидова, обязательно надо. Вам ведь теперь нельзя меньше четверки на экзамене получить, стипендии лишить могут. А без стипендии, сами понимаете...

– Да, без стипендии плохо, конечно.

– Простите, что я об этом спрашиваю... А вообще, по большому счету... То есть в материальном плане... Есть кому о вас позаботиться?

– Да. Есть. Спасибо, мне на лекцию уже пора...

– А... Ну идите, идите, конечно!

Уходя от него по коридору, она вдруг подумала: а что, если бы он дальше начал спрашивать? Что, мол, за человек, который может взять на себя заботу о вас в том самом пресловутом материальном плане? Что бы она ему ответила? Это мамин мужчина, который жил с ними последние два года? И даже жениться на маме не успел, потому что развестись с прежней женой не успел тоже? И кем же таким образом этот мужчина ей приходится? Отчимом, что ли? Или... Кем?

О, господи... Какие дурацкие вопросы лезут в голову. Да кому какое дело, кем ей приходится мамин мужчина! Пусть только попробуют спросить! Нет никому никакого дела, и все тут! Потому что она и сама теперь не понимает, кем он ей приходится... Да никем, господи... И вообще... Мама умерла, а она о каких-то глупостях думает! Да как ей не стыдно вообще...

На сороковой день они собрали дома гостей. С приготовлением поминального обеда помогла Ромкина мама Анна Константиновна, сама вызвалась, никто не просил. Но при этом руководила процессом с командирскими нотками в голосе, а они с Сашей были у нее вроде как на подхвате. И маминых подруг и бывших сослуживцев Анна Константиновна встречала слезливым приветствием и вздыхала так, будто не было для нее горше горя, будто самый для нее близкий человек из жизни ушел... Хотя видела маму живой пару раз, может...

Но все равно Зоя была ей благодарна. Потому что соб-

ственный организм не способен был на такую суету, все еще пребывал в заторможенном состоянии. А еще все время хотелось лечь лицом к стене и не видеть никого, не слышать... Если бы не строгий взгляд Саши, так бы и сделала, наверное, и не стала бы никаких поминальных обедов устраивать. Мама бы простила, наверное...

Анна Константиновна по собственной инициативе пригласила всех соседей, и тех, кто с мамой хорошо общался, и тех, кто просто кивал равнодушно при встрече. В общем, народу пришло много. Даже Тамара Семеновна пришла, соседка с третьего этажа, которую мама терпеть не могла, потому что эта Тамара Семеновна только и делала целыми днями, что на скамье у подъезда сидела да про всех соседей сплетничала. И вот сидела теперь эта Тамара Семеновна за столом, цеплялась за всех внимательными глазками, впитывала в себя новую интересную информацию, как губка. Ну вот зачем ее Анна Константиновна позвала, а? Конечно, как лучше хотела... Но ведь посоветоваться могла, ей-богу, прежде чем настойчивую инициативу проявлять! Вот и получилось теперь, как в той пословице, когда заставили дурака богу молиться...

А через пару дней встретила ее эта самая Тамара Семеновна на улице и проговорила почти елейно:

– Здравствуй, Зоенька, здравствуй, детонька... Остановись-ка на пару минут, чего спросить у тебя хочу...

Зоя сразу почувствовала неладное – и впрямь, чего хоро-

шего можно ждать от Тамары Семеновны? Но остановилась ради приличия, сделала вежливое лицо.

– Спрашивайте, Тамара Семеновна. Слушаю.

– А скажи мне, детонька... Что-то я не поняла... А мамин-то муж... Ну, то есть бывший муж... Он что, так и собирается дальше в твоей квартире проживать? Съезжать не собирается разве?

– Хм... Станный вопрос, Тамара Семеновна. А где ему надо жить, по-вашему? То есть... Зачем ему куда-то съезжать?

– Ну, я не знаю... Нет, оно конечно... Только странно как-то, детонька... Мама умерла, а он в квартире живет... Вместе с тобой...

– И что? – начала потихоньку закипать Зоя. – Вас это обстоятельство как-то обеспокоило? Вам лично это как-то мешает жить?

– Нет, ну что ты... Зачем сердишься-то, глупенькая, я ж вроде как о тебе беспокоюсь... А вдруг чего не так пойдет...

– А что может пойти не так, по-вашему?

– А ты сама разве не понимаешь?

– Нет, я не понимаю.

– Да ладно... Вроде ты должна понимать... Он ведь мужчина... Он тебе сейчас чужой человек... Тем более намного тебя старше... Не маленькая, должна понимать, чем все это пахнет!

– Вот именно – не маленькая! И потому не суйте свой нос

в чужую взрослую жизнь, Тамара Семеновна! Занимайтесь своими делами, а я буду своими делами заниматься, договорились?

– Фу, какой ты грубиянкой выросла, надо же... Я думала, ты вежливая девушка, понимающая... А ты... И мама у тебя такой вежливой женщиной была... Мне казалось, она тебя хорошо воспитала!

– Да, я не вежливая и не понимающая. Как хотите, так и думайте. И маму мою не трогайте, мне не нравится, что вы так о ней говорите! И вообще, мне некогда, я на лекции опаздываю... Извините...

Развернулась, быстро пошла прочь, чувствуя, как цепкие соседские глазенки сверлят дырку у нее на спине. Видимо, глубоко просверлили, потому что на душе потом целый день кошки скребли...

А самое противное было то, что и Ромка тоже про Сашу спросил. Примерно в той же тональности, что и соседка.

– Зой... А чего этот... Который мамин бывший... Он разве с тобой жить остается?

– А что? Почему ты спросил?

– Да так... Просто мама моя говорит – странно это как-то...

– А ты всегда слушаешь то, что говорит твоя мама? Ее мнение для тебя эталон?

– Ну чего ты заводишься, Заяц... Не выслушала до конца, а заводишься...

– Не смей называть меня Зайцем, слышишь? Не смей! И вообще... Отстань от меня, понял? Надоел ты мне...

– Что, вообще отстать?

– Да! Вообще! Не приходи ко мне! Из института не встречай! Не звони мне больше! Надоел! Видеть тебя не хочу!

– Зой... Ну ты же знаешь, что я не могу так... Я люблю тебя, Зой... Больше жизни люблю...

– Да люби сколько влезет, мне-то что! Но на расстоянии, понял? Я тебе вообще ничего не должна!

– Зой...

– Все, Ромка, все! Оставь меня в покое! Сиди рядом с мамой и слушай, что она тебе говорит!

– Да при чем тут моя мама! Что она тебе плохого сделала! Она так за тебя переживает, а ты... Я даже не думал, что ты можешь так... Что ты такая...

– Какая? Ну? Договаривай!

– Такая злая и неблагодарная... Моя мама тебя любит, волнуется за тебя, а ты... Ну вот что я такого обидного у тебя спросил, а? Чего ты завелась?

– Да, я неблагодарная! Я злая! Все? А теперь сделай так, чтобы я тебя больше не видела! Никогда, слышишь?

Ромка ушел оскорбленным до глубины души. Раненым в самое сердце. Наверное, маме будет жаловаться. Мама поймет. Мама пожалеет...

Через три дня Саша спросил как бы между прочим:

– Что-то твоего Ромки не видно, Заяц... Вы поссорились,

что ли?

– Нет. Мы расстались, – резко ответила Зоя и, чтобы упредить следующие вопросы, проговорила быстро: – Не хочу о нем говорить, Саш...

– Ну, не хочешь, не говори, – покладисто согласился Саша, пожав плечами.

Час был уже поздний, они сидели на диване в гостиной. Саша смотрел футбол, она листала журнал, уютно устроившись с ногами в самом углу. Изредка она поднимала от журнала глаза, взглядывала на Сашин профиль и снова принималась перелистывать страницы, больше автоматически, без всякого интереса. Потом в голове образовалась вдруг пустота, а потом через пустоту прошла ясная и простая мысль – как же ей хорошо сейчас... Просто сидеть на диване с Сашей – хорошо... И молчать хорошо. И ничего больше не надо... И это и есть, наверное, то самое счастье, о котором так много говорят, но толком никто этого ощущения объяснить не умеет. А может, это и не само счастье, а всего лишь предвкушение...

Она вдохнула глубоко и долго не выдыхала, пытаясь удержать в себе новое ощущение. Оно и впрямь было новым и чистым, без примеси чувства вины и прежней запретной неправильности. И без чужого зловредного любопытства. Просто – счастливое ощущение...

Выпростав из-под себя ноги, она чуть придвинулась к Саше, уткнулась носом в его плечо. От свитера его пахло зна-

комым парфюмом и еще чем-то... Жареными котлетами, которые он готовил на ужин и ждал ее с этим ужином из института...

Саша обнял ее, слегка хлопав по плечу ладонью, произнес тихо:

– Ну что ты, Заяц... Все будет хорошо, вы с Ромкой обязательно помиритесь...

Она мотнула головой, что могло означать все, что угодно. И продолжала сидеть, уткнувшись носом в его плечо. И вдруг почувствовала, что Саша перестал смотреть свой футбол, что напрягся слегка и повернул к ней голову...

Она тоже подняла к нему лицо. Глаза их встретились на миг. Наверное, они были одинаково испуганными, только испуг был разного рода. И губы их были очень близко. И сердце у нее зашло так, будто захлебнулось притоком горячей крови... И даже вдохнуть воздуха не получалось, будто он стал застывшим и твердым. Вот сейчас... Сейчас все решится, и можно будет дышать и жить...

Но ничего не решилось. Саша убрал руку с ее плеча, сел прямо, снова внимательно уставился в экран телевизора. Так преувеличенно внимательно, будто там, на футбольном поле, должно совершиться что-то важное в его жизни. Не с ней, не здесь и сейчас, а там...

Она тоже села прямо, чувствуя неловкость. И никак не могла сообразить, как себя дальше вести. Как ни в чем не бывало, что ли? Но ведь то, что сейчас произошло, нельзя

обмануть этим дурацким «ни в чем не бывало»... Нельзя, и все тут!

Наконец Саша прервал тяжелую паузу, проговорил хрипло:

– Нам надо серьезно поговорить, Заяц...

И снова у нее в бешеном ритме заплясало сердце – вот оно! Вот сейчас... Да, сейчас он ей все скажет... Сам скажет... Господи, мамочка, что же теперь будет... Прости меня, мамочка...

– Да, нам надо поговорить... – снова произнес Саша и решительно нажал на кнопку пульта, выключая телевизор.

В наступившей тишине слова его прозвучали как гром среди ясного неба. Потому что это были совсем не те слова, которые она ждала.

– Понимаешь, Заяц... Я хотел с тобой вот о чем поговорить... Сегодня соседка приходила, жаловалась на тебя... Говорит, ты сильно ей нагрубила...

– Да какая еще соседка, Саш... – произнесла она с отчаянием, чуть не заплакав. – Какая еще соседка...

– Ну, шустренькая такая. Глазки острые. Она еще к нам на поминальный обед приходила. Я не запомнил, как ее зовут.

– Это Тамара Семеновна с третьего этажа...

– Да. Наверное. Чего ты ей вдруг нагрубила-то, Заяц?

– А ты что, меня сейчас вроде как воспитываешь, да? Нехорошо грубить старшим? Ай-яй-яй? В угол поставлю, сладкого на обед не получишь?

– Ну, вообще-то да... Старшим грубить нехорошо вообще-то. Хотя знаешь... Дело ведь вовсе не в этом...

– А в чем тогда?

– Дело в том, Заяц, что эта соседка по большому счету права...

– И в чем это она права, интересно? – запальчиво спросила она, разворачиваясь к нему корпусом. – Ну в чем, скажи? Можешь мне доходчиво объяснить, я не понимаю?

– Зато я все понимаю, Заяц. Понимаю то, что мне пора уходить.

– Уходить?! Куда? И почему уходить?

– Потому! Сама должна понимать почему!

– Но я не понимаю! Может, я глупая, но я и правда не понимаю! Объясни!

– Да что тут объяснять... Знаешь, у англичан есть великолепная поговорка: если надо объяснять, то не надо объяснять...

– Нет, надо! Объясни!

– Ну что ты злишься, Заяц... Пойми, мы больше не можем жить вместе, в одной квартире... Потому положение и впрямь складывается несколько... двусмысленное.

– И ты вот так, запросто... Вот так... Оставишь меня одну? Так запросто бросишь, да? Потому что соседка сказала?

– Нет. Я тебя не брошу. Я всегда буду на связи. Всегда приду тебе на помощь в любом вопросе. Ты в любое время можешь рассчитывать на меня. Но сейчас я должен уйти, За-

яц...

– Да ты... Ты же меня просто бросаешь, и все! Как предатель! Бросаешь в самую тяжелую минуту! Ты... Да ты...

Дальше она не смогла говорить. Ее трясло от горького разочарования, от его неожиданного и, как ей показалось, жестокого заявления... Даже слез не было, только болезненная лихорадка сотрясала тело. Саша глянул на нее с жалостью, и эта жалость показалась ей еще более оскорбительной, чем жестокость.

– Не реви, Заяц... Ты же сама все понимаешь...

– Я не реву. Еще чего. И понимать я ничего не собираюсь. Нет, одно я действительно поняла, да... Ты просто трус и предатель, вот ты кто... Ты бросаешь меня... Одну...

– Успокойся, Заяц. Возьми себя в руки. Ты сейчас ведешь себя, как маленькая девочка, которая боится, что придет тетка из опеки и уведет ее в детдом. Но ты ведь не маленькая, правда? Ты уже взрослый самостоятельный человек... Да, ты не жила одна, но надо начинать... Начинать жить самой, Заяц. Будет трудно, но ты справишься, я знаю. И я всегда буду рядом... Не буквально рядом, но – рядом... И приду на помощь по первому зову...

– Но... Зачем по первому зову... Если...

– Так надо, Заяц.

– Кому надо? Соседке? Ты так боишься общественного мнения, да? Боишься, что о тебе подумают, что скажут?

Саша помолчал, потом вздохнул и произнес очень тихо,

глядя в сторону:

– Нет, не общественного мнения я боюсь... Вовсе нет...

– А чего ты боишься? Самого себя?

– Заяц, я не буду отвечать на этот вопрос...

– Конечно, не будешь! Потому что это правда! Ты самого себя боишься! Ты убегаешь не от меня, а от себя! Это ты заяц, а не я, понятно? Просто трусливый заяц!

– Ну все, хватит... – решительно поднялся с дивана Саша. – Я пошел вещи собирать...

– Давай, давай... И не забудь все вещи забрать, а то вдруг возвращаться придется! Вдруг я плакать начну и просить, чтобы ты остался! Давай, давай!

– Заяц, не хами. Лучше помоги мне собраться. Знаешь, я никогда не умел собираться, обязательно что-нибудь да забуду...

– Нет уж, это без меня! Сам собирайся, без моей помощи! – поднялась она с дивана вслед за ним и пошла вон из комнаты. На пороге обернулась и добавила зло: – Давай уже, выметайся быстрее...

Выскочила в коридор, потом в ванную, захлопнула за собой дверь. Еще и заперлась, будто он преследовал ее по пятам. Отдышалась, глянула на себя в зеркало... Глаза блестели сухим и злобным отчаянием, на щеках и на лбу выступили красные пятна. Но тело почему-то колотилось в холодном ознобе, и хотелось сделать над собой что-то, чтобы его унять... Наверное, это и есть состояние аффекта, в котором

человек совершает всякие необъяснимые глупости. Да, в институте как раз лекция на эту тему вчера была...

Почему-то мысль об институтской лекции привела ее в чувство, и немедленно захотелось согреться, унять эту мерзкую дрожь. Протянула руку, открыла кран с горячей водой, села на край ванны, стала смотреть, как привычно-уютно льется вода, как легкий теплый пар заволакивает пространство.

Потом долго лежала в горячей воде, согревалась. И в то же время прислушивалась к шорохам в квартире. Значит, сейчас он соберет свои вещи и уйдет... И даже не попрощается, наверное... Да, ему нет до нее никакого дела... Все обман, обман. Все ложь. Все, что она себе придумала. Он уйдет и не узнает, что она...

А что она? Да ничего. Просто в ванной лежит. А может и не просто лежать, а может утонуть, например... А что, бывают же случаи... Вот она сейчас нырнет с головой и не вынырнет... И задохнется... Он уйдет, а потом будет звонить, а она не отвечает! И на второй день не отвечает, и на третий! Он примчится от страха, от плохого предчувствия, сломает дверь в ванную и увидит... Да, и пусть ему будет больно. И стыдно. И поймет тогда...

От стука в дверь она вздрогнула так, что и впрямь чуть не нырнула под воду с головой. И вслед за стуком услышала встревоженный Сашин голос:

– Заяц, с тобой все в порядке? Ты чего там застряла? От-

веть, Заяц...

– Да все со мной хорошо... Я ванную принимаю, только и всего.

– Давай выходи. Я кофе сварил. Мы с тобой еще не договорили...

– Да, сейчас выйду. Одну минуту!

Вылезла из ванной, растерлась полотенцем, снова глянула на себя в зеркало. Лицо порозовело, стало гладким, и даже выражение на нем появилось равнодушное, слегка насмешливое. Да, вот так-то лучше будет, конечно... Пусть не думает, что она так уж расстроилась да впала в отчаяние... А еще можно улыбнуться слегка. И глаза прищурить. Что, мол, все вещи собрал? Уходишь? Ну что же, давай... Вали отсюда... Никто не заплачет, да...

Накинула халат, затянула талию поясом. Даже с удовольствием затянула – благо есть что затягивать. Еще раз глянула на себя в зеркало, еще улыбнулась – а хороша ведь, чертовка... Даже без косметики хороша... И правильно, и надо саму себя хвалить, чтобы повысить самооценку! Чтобы не расплакаться, не просить его остаться... Нет, не будет ни о чем просить, пусть уходит! Если она ему не нужна, как оказалось...

На кухне вкусно пахло кофе. Саша вообще очень вкусно варил кофе, ни у кого так не получалось. Села за стол, он поставил перед ней чашку, подвинул сахар и молоко. Она любила такой кофе – чтобы крепкий, сладкий и с молоком.

А Саша всегда говорил, что это издевательство над благородным напитком...

– Ну что, все вещи собрал? – спросила, как ей показалось, очень легко, и глянула ему прямо в глаза.

– Да, все. Наверное. Не знаю... – отмахнулся от ее вопроса Саша, садясь напротив за стол. – Не сбивай меня с мысли, Заяц. Я вот еще что хочу тебе сказать... Вернее, донести до тебя... Хочу, чтобы ты меня поняла все-таки...

– Да? И что же я должна понять? Вроде и так все ясно.

– Я еще раз хочу тебе повторить, что я вовсе не исчезаю из твоей жизни. Я рядом. Ты можешь звонить мне в любое время. И даже ночью. И я тебе буду звонить. И приезжать... Да я еще надоем тебе своим присутствием, Заяц... Мы не потеряемся. Ты не одна. Я с тобой. Ты мне не чужая, поверь. Надеюсь, что и я...

– А кто мы друг другу, ты можешь объяснить? Ну кто, правда? Чтобы звонить даже ночью, надоедать присутствием...

– Не начинай, Заяц... Пожалуйста...

– Я начинаю? – насмешливо распахнула она глаза. – Да ничего я не начинаю! Все ведь закончилось, не начавшись... Ты ведь решил уйти, бросить меня здесь одну... А кстати, куда ты уходишь, можно спросить?

– Да какая разница, в общем... – тихо ответил Саша, отводя от ее лица взгляд.

– Большая разница! И все-таки – куда?

– Я к жене возвращаюсь. Она позвала, и я решил вернуться.

– Ах, вот оно что... Ну да, ну да... Отчего ж не вернуться, если зовут, верно? Что ж, молодец... И по совместительству двойной предатель... И меня предал, и маму...

– Заяц, перестань! Сама-то слышишь, что говоришь?

– А ты не ори на меня! Я тебе теперь никто, если так!

– Да я не ору... Я спрашиваю – слышишь ли ты сама себя...

– Прекрасно слышу! И еще раз могу повторить – ты и меня предал, и маму! Ну, чего на меня так смотришь? Давай, вали отсюда, предатель! Вещички все собрал, ничего не забыл? Вот и вали! Видеть тебя больше не могу!

– Заяц, послушай...

– И не смей называть меня Зайцем, хватит! Я тебе не Заяц! Уходи, слышишь? Уходи к своей жене! Все, все, ничего не надо больше говорить! Уходи!

– Да, я сейчас уйду. Когда успокоишься – позвони. Еще раз повторю – я для тебя всегда на связи, в любое время.

– Да что ты? В любое время, значит? А что скажет твоя жена? Вдруг она рядом будет? Вдруг я и впрямь ночью позвоню?

– Она ничего не скажет. Звони.

– Да не буду я тебе звонить, можешь не переживать! Иди, будь счастлив! Начинай новую жизнь! Вернее, в старую жизнь успешно вписывайся! Успехов тебе на этом поприще!

Да иди уже, сколько можно...

Она резко встала из-за стола, быстро вышла из кухни. Пронеслась фурией по коридору, закрылась в своей комнате. Легла на кровать вниз лицом, положила на голову подушку, прижала к ушам... Но и через подушку слышала, как вскоре хлопнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.